

Кто-то хотел броситься вперед, чтобы помешать, но внезапно появившаяся тень крепко схватила его, не давая пошевелиться. Ему оставалось лишь смотреть, как меч опускается.

— Бам.

Раздался звонкий звук.

— Бам.

Раздался звонкий звук.

Носилки на земле оказались разрублены надвое, и мертвец на них внезапно широко распахнул глаза, издав короткий испуганный возглас. Лезвие меча рассекло кожу, и из раны медленно заструилась алая кровь.

Хотя он и не мог пошевелиться, страх и запоздалый ужас в его глазах были прекрасно видны восседавшему наверху Императору Сюаньхэ и Санцзи.

Теперь было уже невозможно снова закрыть глаза и притвориться мертвым.

А тем временем хрупкий юноша потирал запястье и бормотал:

— Рука онемела от удара.

В глазах Императора Сюаньхэ мелькнула улыбка: какой же он неженка.

Санцзи резко хлопнул ладонью по столику, вскочил на ноги и уставился на Чжогэ с таким видом, будто из глаз его вот-вот вырвется пламя.

Чжоли в отчаянии понял, что всё пропало, и поспешно рухнул на колени, умоляя о пощаде:

— Пощадите, принц! Пощадите!

Император Сюаньхэ поднялся и безучастно произнес:

— Похоже, у принца Санцзи есть ещё внутренние дела, которые нужно уладить. Мы не будем больше мешать. Однако сегодняшнее происшествие — надеюсь, вы дадите Нам удовлетворительный ответ.

Санцзи прижал правую руку к груди, на лице его появилась почтительная осторожность:

— Да, это я недостаточно строго следил за своими людьми. Прошу Ваше Величество простить меня.

С этими словами он медленно вытащил из-за пояса украшенный драгоценными камнями изогнутый меч. Цинь Няньчжи почувствовал, как перед глазами сверкнула сталь.

Император Сюаньхэ, не меняясь в лице, заслонил его собой, потянул за собой к выходу и тихо сказал:

— Не смотри.

Следом за ними раздались крики толпы, брызнула кровь. Чжоли на языке цюаньжунов в ярости закричал, заливаясь слезами и соплями, выкрикивая что-то, но его крепко держали, не давая вырваться.

...

Мэн Яо под конвоем стражников уводили прочь. Он ещё не успел задать роившиеся в голове вопросы, как его бросили в подземелье. С детства блиставший молодой генерал, никогда не знавший такого унижения, чувствовал ломоту во всём теле. Рана на правой руке ещё не была перевязана, густая кровь пропитала верхнюю одежду.

От потери крови кружилась голова, его бросало то в жар, то в холод. Он был слишком глуп — попался в такую простую ловушку сам, собственной головой.

Если бы не Цинь Няньчжи, заметивший подвох, то обвинение в убийстве посла и срыве мирных переговоров между двумя государствами — такую тяжкую вину он бы не потянул. Смерть в искупление была бы ещё лёгкой карой, а ведь за ним потянулась бы и вся его семья. При мысли о доме его охватила тревога: бабушка стара, кузина слаба здоровьем...

При этой мысли его бросило в холодный пот. Впервые в жизни он испытал запоздалый страх и почувствовал благодарность к тому белоручке, которого всегда презирал.

Так Мэн Яо провёл два дня в мрачной, ветхой темнице. На третий день его вывел старик, позволил кое-как умыться и привёл во дворец на аудиенцию к императору.

— Виновный Мэн Яо приветствует Ваше Величество.

— Тук-тук-тук.

— Я, грубый и невежественный, едва не навлёк великую беду. Прошу Ваше Величество наказать меня.

Император Сюаньхэ смотрел на Мэн Яо, бывшего челом. Ни следа прежней заносчивости и самоуверенности — наконец-то в нём появилось немного степенности.

— Мэн Яо, знаешь ли ты, в чём твоя вина?

— Это я, никчёмный, попался в чужую ловушку и едва не сорвал мирные переговоры, став бы вечным преступником.

Император Сюаньхэ насмешливо произнёс:

— Ха, действительно. Взгляни-ка на это. Всё это поступило после того, как тебя посадили в тюрьму.

Мэн Яо поднял разбросанные перед ним доклады. Бегло просмотрев их, он почувствовал, как сердце забилось быстрее, а нижнее бельё намокло от пота:

— Ваше Величество, я невиновен! Я absolutely не вступал в сговор с Бэйди и не предавал родину ради собственной выгоды. Всё это клевета!

— О? Тогда объясни-ка, что это за письма? На них стоит твоя личная печать — это не подделка.

Дрожа, Мэн Яо поднял с пола письма. Чем больше он читал, тем холоднее становилось у него на душе. Он прекрасно понимал: стоит ему сегодня допустить хоть малейшую оплошность — и весь его род будет казнён.

— Ваше Величество, я сознаю, что вина моя тяжела, но обвинения в сговоре с врагом и предательстве родины — ложь. Я родился в Великой Ци, вырос в Великой Ци, мой отец был пожалован покойным императором в маркизы Динго. Наш род Мэн верен Великой Ци до мозга костей. Мой отец и дядя погибли на поле боя, защищая границы. Я никогда не совершу столь чудовищного преступления. Прошу Ваше Величество разобраться.

Император Сюаньхэ, не гневаясь, внушал трепет:

— Если бы не считаясь с памятью твоего павшего отца, думаешь, ты всё ещё мог бы стоять здесь на коленях и просить пощады?

Мэн Яо обмяк, на душе полегчало. Похоже, Ваше Величество не верит этим клеветникам. По крайней мере, жизнь сохранена.

— Благодарю Ваше Величество. Я клянусь Небом, у меня нет и мысли о бунте. Я верен Великой Ци и Вашему Величеству — это могут засвидетельствовать Небо и Земля.

Император Сюаньхэ нетерпеливо прервал его:

— Даже если у тебя и не было мыслей о бунте, ты плохо следил за подчинёнными, действовал опрометчиво, попустительствовал своим солдатам, которые приставали к жителям приграничных деревень, скакали по улицам, сбивая детей. За всё это — разве Я обвинил тебя несправедливо?

Мэн Яо тяжело стукнулся лбом об пол:

— Я виновен. Прошу Ваше Величество о снисхождении.

— Раз ты признаёшь вину, Я проявлю милость: сто ударов палками, изъятие военной бирки, лишение звания Великого генерала Хувэй. Отправляйся в своё поместье и размышляй там о своих проступках.

Мэн Яо, побледнев, ответил:

— Я принимаю наказание. Благодарю Ваше Величество за милость.

Вскоре стражники увели его. За пределами зала послышались глухие удары палок и сдавленные стоны.

Когда Цинь Няньчжи по приказу явился во дворец, экзекуция уже завершилась. Мэн Яо был бледен, как восковая бумага, дышал едва слышно. Вся спина и ягодицы превратились в кровавое месиво — видимо, он лишился половины жизни. Цзян Дэфу отправил двух стражников отнести его в поместье маркиза Динго.

Император Сюаньхэ, заметив, что Цинь Няньчжи слегка побледнел, спросил:

— Думаешь, я слишком жесток? Слишком сурово наказал?

Цинь Няньчжи нахмурился:

— В этих обвинениях, кроме предательства, всё остальное — правда. Мэн Яо долго занимал высокий пост и постепенно потерял себя, позволяя своим приближённым солдатам притеснять народ. Его следовало строго наказывать.

Цзян Дэфу вовремя вставил слово:

— Господин Цинь, не беспокойтесь. Палачи — старожилы дворца, они знают меру. Раны господина Мэна только выглядят ужасно, но это поверхностные повреждения. Месяц-другой покоя — и всё заживёт.

Юноша слегка смутился:

— Ваше Величество справедливо награждает и наказывает, умело управляет подчинёнными. Это у меня слишком трусливое сердце, не выношу вида крови.

Чжао Цзюньсюань вдруг почувствовал облегчение, выражение его лица смягчилось, и он подшутил:

— У Няньчжи храбрость то велика, то мала. На глазах у всех он, шутя и смеясь, запросто хватается за меч и рубит людей, а теперь вдруг не выносит вида крови?

Цинь Няньчжи смущённо ответил:

— Пятый брат, не смейся надо мной. Я был уверен, что Чжогэ притворяется мёртвым. Перед допросом я специально послал человека сказать ему несколько слов, чтобы сбить его с толку, заставить Гесана поверить, что брат бросил его.

Иначе как бы я смог так легко разругать ситуацию? Только я не ожидал, что притворная смерть станет настоящей. Вспоминая ту кровавую сцену, чувствую тошноту.

Император Сюаньхэ многозначительно произнёс:

— Хм. Принц Санцзи — фигура. В королевской семье Сижун он не пользуется особым влиянием. Он предвидел этот инцидент, но промолчал, дожидаясь, пока мы раскроем его, чтобы заодно вычистить своё окружение и избавиться от шпионов, подсланных к нему.

Цинь Няньчжи хитро улыбнулся, глаза его изогнулись, и он стал похож на хитрого лисёнка.

— Кто бы мог подумать, что у него такой расчёт. Что ж, тем лучше. Он умный человек и знает, как извлечь максимальную выгоду. Мы, можно сказать, оказали ему услугу. Потребовать с него побольше — не слишком нагло.

Чжао Цзюньсюань явно был польщён словом «мы», и на его лице редко появилась улыбка:

— Именно так. Извинительное письмо и дары от короля Сижун уже в пути.

Они беседовали, и незаметно наступил вечер. В тёплом кабинете зажгли медные свечи, стало светло, их тени вытянулись.

Цинь Няньчжи встал, чтобы попрощаться, но Император Сюаньхэ оставил его на ужин. Милость государя — Цинь Няньчжи не мог отказаться.

Они сели за стол. Чжао Цзюньсюань внимательно оглядел его:

— Ты поправился по сравнению с тем, каким вернулся в столицу. И цвет лица лучше.

Цинь Няньчжи, вспомнив о суетливой Ли Сяньхэ, с нежностью в голосе ответил:

— Это всё Сяньхэ. Кормит меня пять раз в день бульонами и супами, словно поросёнка откармливает.

— О, — Император Сюаньхэ взял палочками кусочек овощей, голос его звучал обычно, будто бы между прочим, — вы с ней очень близки. Даже вместе трапезничаете каждый день. Поистине супружеская гармония.

Цинь Няньчжи не был недогадлив. Он мгновенно почувствовал скрытое волнение под спокойным тоном Чжао Цзюньсюаня.

Он отложил только что взятые палочки. Действительно, героям трудно пройти мимо красавиц. Похоже, Пятый брат всё ещё не может это отпустить.

Поколебавшись, он всё же заговорил:

— Пятый брат — небожитель, Сын Неба. Зачем же упорствовать в одном человеке? Сяньхэ не питает к Пятому брату чувств. Лучше обрати внимание на других.

Говорят, вместе с посольством Сижун в столицу прибыла красавица, которую король Сижун лелеет как зеницу ока, — его младшая дочь...

Чжао Цзюньсюань фыркнул:

— Хватит. Мне не нужна твоя сводническая услуга.

Слова были обидными. Цинь Няньчжи, разозлившись, замолчал и, надувшись, сосредоточился на стоящих перед ним блюдах, набивая щёки, словно жадный хомяк.

Видя, что тот не хочет больше разговаривать и выглядит обиженным, Чжао Цзюньсюань усмехнулся и положил кусочек парной рыбы в миску Цинь Няньчжи.

— Обидчивый какой. Ты только и делаешь, что милуешься с Ли Сяньхэ, а обо мне, одиноком, и не думаешь. На, попробуй осеннего сунцзянского окуня — мясо нежное.

Услышав это, Цинь Няньчжи замер, и в душе его зародилось чувство вины.

Хотя между ним и Сяньхэ ничего не было, в глазах императора он всё же женился на той, кого тот втайне любил много лет.

Хорошо ещё, что император — мудрый правитель и не держит на него зла. На мгновение Цинь Няньчжи стало немного неловко. Он взял палочками кусочек жареной баранины и положил в миску Чжао Цзюньсюаня, с чуть заискивающей улыбкой сказав:

— Пятый брат, я помню, ты больше всего любишь баранину. Ешь побольше.

Император Сюаньхэ, с юных лет отличавшийся выдержкой, обычно был невозмутим, как горный поток, и лишь в общении с ним проявлял человеческие чувства.

Он взял слоновую кость для еды, не меняясь в лице:

— Трудно было ожидать, что ты помнишь. А я-то думал, теперь у тебя есть прекрасная спутница, которая с тобой и книжки читает, и свечи зажигает, и ночами гуляет...

Цинь Няньчжи поспешно проглотил рыбу, которую держал во рту:

— Пятый брат, ты напрасно меня обвиняешь. Я каждый день прихожу во дворец в час Зайца, а ухожу только после заката. Служебные дела так загрузили голову, что мне не до прогулок.

Чжао Цзюньсюань приподнял бровь с усмешкой:

— Правда? А я слышал, что на днях ты сопровождал Ли Сяньхэ на прогулку, любоваться осенними пейзажами.

— Я сопровождал Сяньхэ в храм на горе — возносить благодарственные молитвы. Она недавно сильно болела, а теперь поправилась, и я пошёл с ней исполнить обет, попутно попросить талисман на удачу.

Цинь Няньчжи начал шарить у себя на поясе, потом остановился и сделал вид, что ничего не случилось, продолжая есть.

Чжао Цзюньсюань заметил его мелкое движение:

— Что ты прячешь? Мне нельзя посмотреть?

С этими словами он протянул руку, чтобы пощупать. Цинь Няньчжи от неожиданности чуть не подскочил и поспешно схватил руку Чжао Цзюньсюаня:

— Это талисман на удачу из храма Линъинь. Но я подумал, что Пятый брат — воплощение истинного дракона, и он тебе, наверное, не нужен...

— Раз он для меня, зачем прятать?

Цинь Няньчжи, поколебавшись, достал парчовый платок, развернул его, и показался уголок из красного сандала.

Он снова замялся, глядя на этот талисман, который попросил по внезапному порыву:

— Говорят, это древний храм, оставшийся с прошлых династий, там очень сильный дух, и просьбы исполняются.

Чжао Цзюньсюань уже протянул свои длинные пальцы с выступающими суставами, подцепил маленькую деревянную табличку на разноцветной шёлковой нити и встряхнул её.

От неё исходил слабый, едва уловимый аромат холодной сливы. На простой, незатейливой

табличке из красного сандала были вырезаны четыре маленькие позолоченные иероглифа: «Мир и благополучие».

На душе у него стало легко и радостно. Он бережно убрал талисман за пояс:

— Неплохо. А себе не попросил?

Цинь Няньчжи на мгновение опешил. Трудно понять мысли государя. Всего лишь маленькая деревянная табличка — чем она так приглянулась Его Величеству?

Он вытащил из-за ворота красную верёвку:

— Свой я всегда ношу.

Взгляд Чжао Цзюньсюаня дрогнул, скользя по его длинной, бледной шее. Он вдруг вспомнил тот день, когда тот, будучи пьяным, без всякой опаски лежал у него на руке.

На мгновение его охватило волнение:

— Скоро зима. Не выпить ли немного рисового вина, чтобы согреться?

Цинь Няньчжи поспешно отказался, вставая:

— Нет, я не выношу алкоголя. Уже поздно, мне нельзя задерживаться.

Император Сюаньхэ слегка разочаровался. Глядя на выглядывающий из-за ворота красный шнурок, он вдруг спросил:

— А у Ли Сяньхэ есть такой же талисман?

Цинь Няньчжи поднял глаза, словно не понимая:

— Есть. В тот день, когда я пришёл туда по внезапному желанию, монах сказал, что это освящённые безделушки на удачу, и я попросил пять или шесть штук.

Император Сюаньхэ, сдержанный в эмоциях, не показывал ни радости, ни гнева:

— Тебе, мне, Ли Сяньхэ... А кому ещё ты подарил? Или собираешься подарить?

В следующее мгновение он, словно опомнившись, усмехнулся:

— Я слишком много о себе возомнил. У тебя есть ещё твоя невеста, твой учитель, твои друзья — чем больше, тем лучше...

Цинь Няньчжи, который уже начал клевать носом от тепла в комнате, не понял внезапной

смены тона государя:

— Пятый брат?

Император Сюаньхэ уже повернулся и направился во внутренние покои. Голос его стал холодным:

— Ступай сначала в своё поместье.

Цзян Дэфу лично проводил Цинь Няньчжи до выхода. Они замедлили шаг и медленно пошли по длинному дворцовому коридору.

— Как быстро летит время, — начал Цзян Дэфу. — Я ещё помню, когда впервые увидел господина Циня, подумал, что это сбежавший маленький отрок с места Гуаньинь. А теперь уже два года, как Ваше Величество взшёл на престол. Вспомнить — в Холодном дворце была не жизнь, но хорошо, что рядом был господин Цинь, мы как-то выдержали...

Господин Цзян продолжил с чувством:

— Теперь старых людей, с кем можно поговорить, становится всё меньше. У трона меняются люди раз за разом. Я уже стар, невольно впадаю в ностальгию. Прошу прощения, что заставил господина Циня смеяться надо мной.

— Да, в те несколько месяцев, когда господин Цинь отсутствовал, я каждый день был в тревоге, всё ждал вашего возвращения. Как только вы оказываетесь рядом с Его Величеством, у меня появляется опора, и я перестаю волноваться.

Цинь Няньчжи улыбнулся:

— Господин Цзян, не тревожьтесь. Его Величество — добрый государь, помнящий старых слуг. Многолетняя верная служба рядом с ним — это большие заслуги. Если не случится какой-нибудь беды, грозящей истреблением рода, вы сможете спокойно дожить до старости в почёте.

Господин Цзян поперхнулся от этих слов. Взгляд его, устремлённый на Цинь Няньчжи, стал сложным. Наверное, только в присутствии господина Циня Его Величество соизволял проявлять великодушие и милосердие.

Вспомнив те дни, когда господин Цинь отправился в Цзяннань, и железную руку, которую явил тогда Его Величество, он до сих пор содрогался. Теперь, если подумать, Его Величество, должно быть, воспользовался случаем, чтобы отослать господина Циня, чтобы полностью зачистить двор...

— Эх, — вздохнул Цзян Дэфу. — Его Величество — Сын Неба. Чего он хочет, того всегда добивается. Господин Цинь, уж будьте повнимательнее.

Памятуя о многолетнем знакомстве, он не удержался и предупредил. Намерения Его Величества становились всё более явными, только вот сидящий перед ним человек ещё не прозрел.

Жаль. Если бы Его Величество не замыслил такого, эти двое наверняка вошли бы в историю как мудрый государь и верный подданный. Но как назло...

Цинь Няньчжи слегка склонил голову. Ему показалось, что господин Цзян сегодня слишком многословен, но всё же с улыбкой ответил:

— Благодарю за предостережение. Но если у Сянвана есть желание, а у богини нет — силой не возьмёшь. К тому же, разве Его Величество может быть таким деспотом, который позарится на чужую жену? Прошу вас впредь не говорить таких слов.

Цзян Дэфу слегка дёрнул уголком рта. Он так ясно намекнул, а господин Цинь всё не понимает. Ну и ладно, ладно.

Проводив его до дворцовых ворот и глядя на удаляющуюся карету, его младший ученик, следовавший за ним, не выдержал и спросил:

— Всего лишь какой-то учёный. Зачем учителю самому провожать его до ворот? Поручили бы это ученику.

Цзян Дэфу с силой шлёпнул его по затылку:

— Чтобы я больше не слышал от тебя таких глупых речей. Если Его Величество узнает, что ты непочтителен к господину Циню, я тебя не смогу защитить. Держи ухо востро и ни в коем случае не смей обижать этого господина.

Сяо Юаньцзы поправил сбитую набок шапку и поспешно закивал, соглашаясь. Взгляд его, направленный на неприметную серо-голубую карету, стал ещё более осторожным.

В зале Юннин

Принцесса Цзяминь смотрелась в зеркало. Стоявшая рядом старшая служанка тихо докладывала о том, что удалось разузнать за пределами дворца:

— Господин Цинь особенно внимателен к госпоже Ли. Он сопровождает её и в храм, и в чайную, и к портнихе — всё время рядом. Наши люди никак не могут подступиться.

— Бам!

Цзяминь в ярости смахнула с туалетного столика бронзовое зеркало. Её красивое лицо исказилось злобой:

— Ничтожества! Вы, ничтожества! Дрянь! Эта маленькая дрянь! Бесстыжая лисица!

Увидев, что принцесса Цзяминь всё больше распаляется, её нянюшка поспешила успокоить и утешить:

— Да-да, принцесса права. Ещё не вышла замуж, а уже открыто живёт в доме жениха — настоящая необузданная девка. А вы, бесполезные, живо убирайтесь! Если хоть волос упадёт с головы принцессы, вы ответите своими никчёмными жизнями!

— У-у-у, — принцесса Цзяминь разрыдалась, уткнувшись в объятия нянюшки Ван, — нянюшка, скажи, он ослеп? Не обращает на меня никакого внимания, а какую-то девку из публичного дома носит на руках, так нежен с ней, так терпелив...

— Я — единственная законная дочь императора в Великой Ци! С детства меня все носили на руках, восемнадцать лет всё шло гладко, и впервые я познала муку неразделённой любви! Это разрывает мне сердце, я не сплю ночами!

— Нянюшка, научи меня, что делать? Я хочу убить её, убить эту дрянь! Это всё она, бесстыжая...

— Замолчи! Посмотри на себя! Из твоих уст льются грязные ругательства! Где твоё достоинство принцессы! Вон все отсюда!

Неожиданный окрик заставил всех расprostереться ниц:

— Приветствуем Вдовствующую императрицу.

Затем все гуськом вышли, оставив только двух старых нянюшек.

Цзяминь, увидев, что её мать ничуть не жалеет её, а беспощадно ругает, пришла в ещё большую ярость и стыд, разрыдалась в голос:

— Матушка! Матушка, ты больше не любишь Цзяминь...

Всё же это была плоть от плоти её, выношенная десять месяцев. Вдовствующая императрица, хоть и была рассержена, но не могла позволить своему единственному ребёнку так страдать. Она с досадой ткнула пальцем в голову дочери:

— Ты что, совсем без гордости? Что такое этот Цинь Няньчжи? Он и подметки твоей не стоит. Сирота, потерявший обоих родителей, заноза, возмнивший о себе невесть что из-за пары стихов. Ты, ты, ослеплённая его лицом, не видишь других достойных мужей.

Цзяминь всё ещё всхлипывала:

— Матушка, я люблю его. Пять лет назад, когда он проходил мимо Императорского сада и

сорвал для меня ветку груши на высокой ветке, я уже решила. Матушка, помоги мне.

Вдовствующая императрица вздохнула:

— Всё это моя вина. Я всё думала, что ты единственная законная принцесса, и кто бы ни взошёл на престол, ради репутации он будет хорошо к тебе относиться. Вот я и вырастила тебя наивной, не знающей жизни, с одними только любовными бреднями.

Ты принцесса. Когда выйдешь замуж и получишь свой дворец, каких мужчин ты не сможешь получить?

Зачем же тебе, роняя своё достоинство, унижаться из-за мужчины, который тебя не любит? Если тебе нравится его лицо, можешь найти и взять его себе, держать в поместье для забавы и утешения.

Цзяминь, открыв рот, застыла, глядя на стоящих по обе стороны многозначительно переглядывающихся нянюшек, и тут же, покраснев от смущения, возмутилась:

— Матушка, ты... что ты говоришь...

Вдовствующая императрица похлопала её по плечу, притянула к себе и с расстановкой продолжила убеждать:

— Цзяминь, в детстве твоя мать не была счастлива. Её всё время подавляла старшая сестра от наложницы.

<http://bllate.org/book/18871/1842372>